

Litera

Правильная ссылка на статью:

Пуряева Н.Н. Любочный рассказ Кукеля о кавалерист-девице // Litera. 2025. № 9. С. 96-102. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.9.76054 EDN: TOZNGX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76054

Любочный рассказ Кукеля о кавалерист-девице

Пуряева Надежда Николаевна

ORCID: 0000-0002-9323-6850

кандидат филологических наук

доцент; кафедра Институт русского языка и культуры; Московский государственный университет им. МВ. Ломоносова

117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 1.

[✉ nadi_np@mail.ru](mailto:nadia_np@mail.ru)

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.9.76054

EDN:

TOZNGX

Дата направления статьи в редакцию:

27-09-2025

Дата публикации:

04-10-2025

Аннотация: Объектом исследования является популярный в беллетристике и массовой литературе сюжет об Н.А. Дуровой, который с 1870-х гг. послужил основой более 15 художественных произведений. Это дает основание говорить об относительно устойчивом сюжете о кавалерист-девице. В качестве предмета исследования выступает малоизвестный любочный рассказ Кукеля (литературный псевдоним В.А. Лунина) «Кавалерист-девица» (1898). В статье обозначена специфика произведений любочной литературы: особенности оформления и вторичность используемых сюжетов. В качестве фабульных источников писатели-любочки использовали духовную литературу, фольклор, художественные произведения. Цель данной статьи – определить, какие элементы «дуровского» сюжета воспроизводит автор, как он интерпретирует сюжет, как это произведение вписывается в ряд других текстов, посвященных Дуровой. Методология исследования связана с использованием описательного метода, культурно-

исторического метода, а также интертекстуального анализа. Основными выводами исследования являются следующие: Лунин использует ключевые эпизоды истории Дуровой, однако, не только меняет суть сюжета, но и компилирует элементы разных сюжетов; автор переосмысливает ключевые для первоисточника (записки Дуровой) темы патриотизма и эмансипации, делая основой движения действия патриархальные семейные ценности; произведение балансирует между реальностью и сказочностью: на фоне хотя и условного, но легко узнаваемого исторического контекста (война 1812 г.) развивается вполне сказочный сюжет о сироте, спасающей жениха; прием адаптации исходного сюжета, которым пользуется автор, – это ремейк. Таким образом, произведение Лунина – это ремейк сюжета о Дуровой, упрощенный до уровня читателя и сосредоточенный на идее активной героини.

Ключевые слова:

Надежда Дурова, кавалерист-девица, лубочная литература, массовая литература, Кукель, Виктор Лунин, ремейк, беллетристика, устойчивый сюжет, активная героиня

Под лубочной литературой исследователи понимают пласт художественных произведений конца XVIII – начала XX вв., находящихся на периферии литературного поля и имеющих строго определенную целевую аудиторию – деревенское и городское население, составлявшее социальные низы российского общества. По мнению исследователей, лубочная литература имела ряд характерных особенностей, в первую очередь, «внешние характеристики книги» [\[1, с. 7\]](#): дешевая бумага, небрежное оформление, а также обязательная яркая обложка, нередко изображающая ключевой эпизод произведения. Помимо этого, книга могла содержать вклейки с иллюстрациями основных эпизодов – своего рода краткую визуализированную версию сюжета, что восходит, очевидно, к истокам лубка – собственно изображениям – и позволяет отнести такого рода произведения к смешанному или креолизованному типу текста.

Однако, на наш взгляд, более значимыми являются особенности поэтики. Как отмечает А.С. Пругавин, писатели-лубочники в качестве источников сюжета использовали духовную литературу, фольклор, художественные произведения [\[2, с. 389-391\]](#). Нередко лубочники соединяли фрагменты разных сюжетов, и в этом смысле, видимо, воспроизводили те же механизмы текстотворчества, что и сказители, создатели фольклорных произведений. Говоря иначе, лубочные тексты не предлагали оригинальных сюжетов, они вторичны и компилиативны. Взаимодействие с другими слоями литературы носило однонаправленный вектор: лубочная литература преимущественно «поглощала» литературный материал, «циркуляции» идей не происходило, быть может, за очень редкими исключениями.

В отношении лубочной литературы едва ли уместно говорить о реализации каких-либо последовательных авторских идеологических установок, поскольку, по замечанию А.И. Рейтблата, единственным критерием оценки произведений был коммерческий успех [\[3, с. 127\]](#). Продолжая эту мысль, можно предположить, что автор скорее подстраивался под вкусы своих читателей, нежели пытался воздействовать на них, иными словами, в лубочных произведениях отсутствует свойственная более «высоким» уровням литературы идейная программа, а авторам присуща значительная степень конформизма. С другой стороны, то, что лубочный автор воспроизводит идейные и эстетические взгляды своей целевой аудитории, дает, пусть опосредованное, представление о ее мировоззрении.

Начиная с 1870-х гг. история Н.А. Дuroвой неоднократно становилась основой художественных произведений, что позволяет говорить об относительно устойчивом сюжете о кавалерист-девице в беллетристике, а затем массовой литературе [4]. Цель данной статьи – рассмотреть ранее не исследованное лубочное произведение «Кавалерист-девица», восходящее к сюжету о Н.А. Дuroвой, определить, какие элементы «duroвского» сюжета воспроизводит автор, как он интерпретирует сюжет, как это произведение вписывается в ряд других текстов, посвященных Duroвой.

Кукель – псевдоним В.А. Лунина (1838-1914), одного из наиболее плодовитых (более 150 книг) писателей-лубочников 1880-1910-х гг. Как отмечает Рейтблат, одной из особенностей произведений Лунина было то, что действие нередко разворачивалось в дворянской среде [Рейтблат, 415]. Как и другие лубочники, опираясь на готовые сюжеты, Лунин часто не менял название и в некоторые случаях даже ссылался на первоисточник. Так, основой для его произведений послужили «Песня о царе Иване Васильевиче...» М.Ю. Лермонтова [6], роман А.К. Толстого «Князь Серебряный» [7], романы Р.М. Зотова «Таинственный монах» [8] и К.П. Масальского «Стрельцы» [9] и др.

Ряд произведений Лунина посвящен военной тематике: польское нашествие 1608 г., Крымская война, Русско-турецкая война 1870-х гг. В 1897 г., в 85-летнюю годовщину Отечественной войны 1812 г. выходят очерк «Бегство Наполеона из России в 1812 году» и рассказ «Старостиха Василиса». В 1898 г., в 115-летний юбилей Duroвой Лунин публикует рассказ «Кавалерист-девица». В скобках отметим, что в том же году вышло еще одно произведение о Duroвой – роман «Кавалерист-девица» Д.С. Дмитриева.

Рассказ Лунина состоит из трех частей. В первой дана предыстория героини, Наташи Березиной, во многом повторяющая обстоятельства женитьбы родителей Duroвой: дочь состоятельных родителей против их воли выходит замуж за простого офицера. Если в случае Duroвой это состоятельная малороссийская семья, у Лунина это московская княжеская семья (Крушинские). Как и в ситуации родителей Duroвой, княгиня Крушинская не признает непрошенного зятя и отказывает молодой семье в поддержке. Даже появление внучки не меняет ее неприязненного отношения. Далее Лунин отклоняется от истории Duroвых, нагнетая сюжетное напряжение: отец Наташи погибает на русско-турецкой войне, вскоре после этого от чахотки умирает мать. Поскольку княгиня-бабушка интереса к судьбе внучки не проявляет, девочку забирает на воспитание двоюродный дед, Григорий Иванович Березин, небогатый рязанский помещик. Здесь Лунин вновь использует ситуацию Duroвых: подобно денщику Duroва Астахову, Березин воспитывает двоюродную внучку на мальчишеский лад: учит ее скакать верхом, стрелять. В результате «в двенадцать лет Наташа была хорошим стрелком и отличной наездницей. Нанятая для нее гувернантка неоднократно твердила Григорию Ивановичу, что такого рода воспитание не свойственно девочке вообще и благородной в особенности...» [Кукель, с. 8].

Поворотным моментом в судьбе героини становится эпизод, когда 14-летнюю Наташу забирает бабушка, княгиня Крушинская, вернувшаяся в Москву после многолетней жизни в Париже. Он соотносится с эпизодом, когда 14-летнюю Duroву отправляют к бабушке в Малороссию, чтобы обучить манерам, более соответствующим барышне ее социального круга.

Со второй части рассказа Наташа выступает уже в качестве центральной фигуры повествования. Действие начинается в 1810 г., когда 16-летняя героиня обручается с уланским офицером Боровским. Княгиня Крушинская одобряет выбор, однако

предупреждает, что матrimониальные планы придется отложить из-за скорой неизбежной войны с Наполеоном. Далее действие переносится в начало 1812 г., когда Боровский отбывает в свой полк. После Бородинского сражения он взят в плен и вместе с французской армией оказывается в Москве. Лунин кратко, но достаточно емко описывает взятие древней столицы, а затем отступление французских войск. Описания захваченной Москвы, жестокого обращения французов с пленными напоминают описание плена Пьера Безухова. Под Вязьмой Боровский оказывается спасен партизанами, в одном из которых он с удивлением узнает свою невесту Наташу.

В третьей части рассказа действие возвращается назад к Бородинскому сражению, после которого Наташа перестала получать весточки от Боровского и забеспокоилась о его судьбе. Благодаря бежавшему из французского плена сыну дьячка из соседней деревни (автор дает ему говорящую фамилию Фортунин), героиня узнает, что Боровский жив, и решает спасти его во что бы то ни стало. Наташа уезжает от бабушки под предлогом посещения заболевшего дяди, а тому уже прямо сообщает о своих намерениях: «Будь что будет! Лучше же я умру от пули или сабли, чем умирать от тоски, которая для меня тяжелее самой жестокой пытки» [Кукель, с. 25]. Дядя помогает снарядить Наташу в опасный путь: ей шьют мужское казацкое платье, она получает коня, оружие и сопровождающего. Под именем Семен Пашутин в Серпухове Наташа присоединяется к партизанскому отряду А.Н.Сеславина. Не вдаваясь в детали, автор отмечает, что «Пашутин с первого дня заявил себя храбрецом и обратил на себя внимание Сеславина» [Кукель, с. 31], и вскоре был назначен его адъютантом. Лунин упоминает Тарутинский бой (6/18 октября 1812 г.), после которого наполеоновская армия вынуждена была отступать по разоренной смоленской дороге, однако не описывает подробно ни сражение, ни вообще участие в боевых действиях Пашутина-Наташи. Эта сюжетная ситуация не имеет прямого соответствия с событиями биографии Дуровой, как и финал рассказа. Лунин отмечает, что Пашутин-Наташа «с особенным рвением стремился отбивать русских пленных» [Кукель, с. 32], и под Вязьмой находит среди пленных Боровского. С разрешения Сеславина на одной из обозных телег Пашутин-Наташа перевозит Боровского в село неподалеку. Повествование завершается сообщением о том, что «как только Боровский оправился от болезни, Наташа увезла его в деревню к бабушке, которая еще оставалась там, и конечно вышла за него замуж. Сеславин, узнавши историю Пашутина, сожалел, что лишился столь энергичного и храброго сотоварища» [Кукель, с. 36].

Таким образом, Лунин использует ключевые эпизоды истории Дуровой (свадьба родителей без благословения; нелюбимый ребенок; «солдатское» воспитание; присоединение к действующей армии под видом казака-добровольца; самоотверженная служба и назначение адъютантом), однако, не только меняет суть сюжета, но и вплетает эпизод, соотносящийся с другим произведением, т.е. компилирует элементы разных сюжетов. Иными словами, перед нами не каноническое воспроизведение истории кавалерист-девицы, а ее фрагмент, существенно модифицированный.

Среди источников, на которые мог опираться Лунин, в первую очередь, были записки Дуровой (1836), хотя ему могли быть известны и художественные произведения о ней, в частности, роман Д.Л. Мордовцева «Двенадцатый год» (1879) и повесть В. Байдарова (псевдоним В.П. Бурнашова) «Кавалерист-девица Александров-Дурова» (1887).

Патриотический пафос, столь важный для как для первоисточника (записки Дуровой), так и для последующих художественных текстов отнюдь не является доминирующим в рассказе Лунина. Напротив, основным двигателем сюжета автор делает личный мотив – стремление героини спасти жениха, а не абстрактную цель спасти Отечество.

Героический ореол кавалерист-девицы, ассоциировавшийся с Дуровой, нивелирован.

Еще одна тема, очень важная для «дуровского» сюжета, – тема эмансипации – также существенно переосмыслена Луниной. Несмотря на самостоятельность и решительный характер героини руководствуется она патриархальными семейными ценностями. И даже нарочитое travestирование гендерных ролей: уланский офицер Боровский низведен до пассивного героя, которого спасает героиня, – не нарушает этого впечатления.

Война 1812 г. выступает как сюжетный фон, на котором разворачиваются события, однако Лунин вводит элементы, которые свидетельствуют о серьезном знании темы: упомянуты длительное время остававшиеся забытыми руководители стихийных партизанских отрядов А.Н.Сеславин и А.С.Фигнер, прослежена хронология сражений с наполеоновской армией при отступлении из Москвы (Тарутинский бой, сражение под Малоярославцем, битва при Вязьме). Вместе с тем, автор допускает довольно существенные исторические несоответствия. Согласно хронологии рассказа, Наташа родилась в 1795/6 гг., между тем, русско-турецкая война, на которой якобы погиб отец Наташи, закончилась в 1791 г., а первая волна террора после Великой французской революции, вынудившая многих дворян бежать из Франции, пришлась на 1793-1794 гг. Иными словами, исторический фон условен, он обеспечивает необходимые развития сюжета обстоятельства. Само произведение балансирует между реальностью и сказочностью: с одной стороны, достаточно легко узнаваемый исторический контекст, с другой, – вполне сказочный сюжет о сироте, спасающей жениха. Повествование имеет типичный для сказки финал: действие останавливается на моменте счастливого воссоединения героев. Лунин создает упрощенную версию истории кавалерист-девицы, мотивы действия которой просты и понятны целевой аудитории, а форма повествования ставит произведение в ряд подобных незамысловатых лубочных историй.

Прием адаптации исходного сюжета, которым пользуется Лунин, – это ремейк. По определению М.Р. Арпентьевой, суть ремейка заключается в том, что он «повторяет, воспроизводит сюжетные ходы оригинала, типы характеров, однако пытается осмысливать их в изменившихся культурно-исторических, социально-политических условиях» [Арпентьева: 9-10].

Рассматривая явление ремейка, исследователи как правило обращаются к «классическим» текстам, т.е. известным сюжетам знаковых произведений, относящихся к «центру» литературного поля. Однако ремейк возможен применительно к сюжету любого уровня литературы. Так, существуют ремейки сюжетов, не выходивших за пределы беллетристики (массовой литературы), например, сюжет о Параше Лупаловой («парашин сюжет») [12]. Основным критерием для появления ремейка является популярность и воспроизводимость сюжета, а не его иерархический статус. Ремейк является этапом развития устойчивого популярного сюжета и одним из индикаторов его востребованности.

Таким образом, рассказ Кукеля – это ремейк сюжета о Дуровой, упрощенный до уровня читателя и сосредоточенный на идее активной героини.

Библиография

1. Рейтблат А.И. Глуп ли "Глупый милорд"? // Лубочная книга. Подгот. текста, сост., вступ. статья, comment. А. Рейтблата. М., 1990. С. 5-20.
2. Пругавин А.С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. 2-е изд., знач. доп. СПб., 1895. 547 с.
3. Рейтблат А.И. Читатель лубочной литературы. // Книжное дело в России во второй

- половине XIX – начале XX века. Сборник научных трудов. Выпуск 5. Л., 1990. С. 125-137. EDN: DHVRPQ
4. Пуряева Н.Н. Надежда Дурова: миф о кавалерист-девице // Вестник Нижегородского государственного университета. Серия Филология. 2018. № 3. С. 224-233.
5. Рейтблат А.И., Лунин В.А. // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 3. М., 1994. С. 414-415.
6. Бой купца Калашникова с опричником Кирибеевичем: Рассказ Кукеля, заимств. из стихотворения Лермонтова. М., 1898. 35 с.
7. Никита Романович, князь Серебряный: Повесть Рыбакова. М., 1899. 216 с.
8. Таинственный монах: Ист. роман из времен царствования Петра I: В 2 ч. / Заимств. из соч. Р. М. Зотова, изд. 1836 г. Кукелем [псевд.]. М., 1899. 216 с.
9. Стрельцы: Роман из времен Петра Великого: В 2 ч. / В.А.Л. М., 1902. 192 с.
10. Кавалерист-девица: Рассказ Кукеля. М., 1898. 36 с.
11. Арпентьева М.Р. Ремейк как сюжетная реконструкция // Сюжетология и сюжетография. 2016. № 2. С. 9-17. EDN: XROBBX
12. Пуряева Н.Н. Ремейк сюжета о Параше Оуполвой в повести Е.А. Салиаса "Ваня" // Известия Уральского государственного университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2023. Т. 29. № 3. С. 36-41. DOI: 10.15826/izv1.2023.29.3.045 EDN: KGURVK

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами Национального Института Научного Рецензирования по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Лубочный рассказ Кукеля о кавалерист-девице»

Статья посвящена анализу произведения В.А. Лунина (псевдоним Кукель) «Кавалерист-девица», восходящего к сюжету о Надежде Андреевне Дуровой, и рассматривает его как ремейк устойчивого литературного мотива. Предметом выступает не только текстологический разбор самого произведения, но и выявление особенностей его сюжетной структуры, поэтики, историко-культурного контекста, а также взаимодействия с традицией лубочной литературы конца XIX века. Автор сосредоточен на сопоставлении с биографией и записками Дуровой, а также с рядом литературных обработок этого сюжета, что позволяет уточнить характер компилятивности и ремейковой природы рассказа.

Методологическая база статьи комплексна: используются сравнительно-исторический метод (сопоставление текста Кукеля с записками Дуровой и другими произведениями о кавалерист-девице), элементы сюжетологии (понятие ремейка в трактовке М.Р. Арпентьевой), интертекстуальный анализ, а также культурно-исторический подход. Привлекаются литературоведческие наблюдения А.И. Рейтблата, А.С. Пругавина, Н.Н. Пуряевой. Автор убедительно демонстрирует вторичность лубочного текста и одновременно его самостоятельную ценность как свидетельства массового восприятия сюжетов.

Представленное исследование актуально как с точки зрения изучения лубочной литературы, которая все еще остается периферийной в отечественном литературоведении, так и в контексте обращения к устойчивым сюжетам, живущим в массовой культуре. Выявление ремейковой природы рассказа Кукеля расширяет представления о трансформации «дуровского» сюжета в культуре XIX века. Особенно

ценно, что автор показывает сдвиг акцентов: от патриотического и эмансипаторного пафоса к личной линии спасения жениха, что отражает социальные ожидания массового читателя.

Новизна статьи заключается в том, что произведение Кукеля «Кавалерист-девица» до сих пор не становилось предметом отдельного анализа, несмотря на популярность его автора и обилие работ о Надежде Дуровой. Автор впервые рассматривает текст Лунина в ракурсе ремейка, выявляя его сюжетные расхождения с каноном и специфику адаптации материала для массовой аудитории. Тем самым показано, что устойчивый сюжет может быть предметом ремейковой переработки не только в «высокой» литературе, но и в низовых жанрах.

Статья написана в ясной академической манере, без излишней перегруженности терминологией. Структура логична: сначала ввод в проблематику лубочной литературы, затем характеристика творчества Лунина, далее подробный разбор трех частей рассказа и сопоставление с биографией Дуровой, наконец – концептуальные выводы о ремейковой природе текста. Достоинством является богатый иллюстративный материал: приведены цитаты из произведения, показаны переклички с другими текстами. Впрочем, можно отметить некоторую избыточность пересказа сюжета, который занимает значительный объем статьи, что несколько снижает аналитическую глубину.

Список литературы включает как классические работы (Пругавин, Рейтблат), так и современные исследования (Пуряева, Арпентьева). Библиография отвечает требованиям научной публикации, содержит как источники, так и исследования.

Автор корректно полемизирует с существующими подходами: суждение о вторичности лубочных сюжетов уравновешивается тезисом о репрезентативности для мировоззрения массовой аудитории. Отмечено, что ранее внимание исследователей концентрировалось на «высокой» литературе и «канонических» ремейках, тогда как в статье показан иной уровень – массовый, периферийный. Этот аргумент можно считать вкладом в развитие сюжетологии и культурологии.

Статья представляет интерес как для специалистов по русской литературе XIX века, так и для исследователей массовой культуры, рецепции исторических сюжетов и феномена ремейка. Она дает материал для дальнейших исследований: сравнений между лубочной и беллетристической обработкой сюжета, а также для изучения гендерных аспектов образа кавалерист-девицы в разных культурных регистрах.

Рецензируемая работа выполнена на высоком научном уровне, обладает актуальностью и новизной и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования»